

Застой. Перестройка.
Демократизация
1984 - 2000

Незабываемый месяц

Наш ССХО «Глади» работает в отделе Уварово. Навсегда запомнилось лето удивительно красивое южное Подмосковье — обширные поля, обрамленные лесами, небольшие деревни. На наших глазах зеленые леса начали желтеть, а потом побурели и стали ронять листву. Горожане видели такой пейзаж чуть ли не впервые. Но главным, конечно, была работа: в поле — по 10 часов в день. От картошки зависели и настроение, и распорядок, и быт. Часть студентов отправили на ручной подбор, часть — на картофелеуборочные комбайны, иногда нас меняли местами: смена работы — своеобразный отдых. В некоторых группах из сильных ребят сформировались звенья, которые не только быстро выполняли норму, но даже ставили рекорды. А группа НГ-83-2 (куратор П. В. Флоренский) трудилась сообща: сильные помогали тем, кто послабее, выполнять норму. И дело спорилось, и коллектив спланивался.

Иногда, во все проблемы уже решены. Хорош бы, например, построить дополнительный домик для акции, потому что жить по 4 человека в комнате не хочется. Мысль бы поглотила голову, чтобы студенты сами могли решить. Но не хотелось бы и создавать проблемы. Это же дело! А в школе Старый работник и мастер, и организатор. Дать же задание по проекту, в Библию.

На земле озерской

Студенты-приморцы собирали урожай на полях Озера и Биаруми. В этом году у них командировку от А. С. Николь, заместителя — А. А. Петрова. В «Приморском» отряде из первокурсников — 200 человек. Работа не баловства, ведь каждый из приморцев несет ответственность, как специалист. На расклевывание почвы комбайны не шли, а весь урожай вывозили на ручной подбор, что, конечно, означало больше и тяжелее работы. В третьекурсном приморском отряде урожай на 1,50 гектара.

На земле Озерской. Фотомонтаж П. В. Флоренского. (ЗКН, 22.10.1984, №32)

1984-1986
Все было как обычно: о переменах никто не думал. Продолжал работать «Петрограф». Вместе с курируемой группой я поехал на месяц убирать картофель. Для формирования коллектива это было неплохо. «Наш ССХО "Геолог" работал в отделении Уварово. Навсегда

запомнилось удивительно красивое южное Подмосковье – обширные поля, обрамленные лесами, небольшие деревни. На наших глазах зеленые леса начали желтеть, а потом побурели и стали ронять листву. Горожане видели такой пейзаж чуть ли не впервые. Но главным, конечно, была работа: в поле – по 10 часов в день. От картошки зависели и настроение, и распорядок, и быт. Часть студентов отправили на ручной подбор, часть – на картофелеуборочные комбайны, иногда нас меняли местами: смена работы – своеобразный отдых. В некоторых группах из сильных ребят сформировались звенья, которые не только быстро выполняли норму, но даже ставили рекорды. А группа НГ-83-2 (куратор П. В. Флоренский) трудилась сообща: сильные помогали тем, кто послабее, выполнять норму. И дело спорилось, и коллектив спланивался.

Работать на земле Озерской интересно и ответственно. Здесь все напоминает об истории: в Коломне Дмитрий Донской собирал войска перед Куликовской битвой, а в Зарайске воеводой был Пожарский. В поле мы находили кремневые скребки и древние монеты. На знаменитом карьере обнажаются очень красивые кремни, а недалеко, в Голутвине, среди известняков образовались агаты, по красоте цвета и узора соперничающие с лучшими образцами мира.

Мы очень благодарны приезжавшим к нам декану Б. К. Прошлякову, представителям партбюро, членам агитбригады; это создавало ощущение постоянной связи с институтом и поднимало настроение. Мы хотим, чтобы для студентов, которые в

На стр.

следующие годы приедут в Озеры, это время запомнилось удачной работой, крепнувшей дружбой и веселыми мероприятиями. Пусть месяц в Озерах студенты любят так же, как популярную у геологов практику на ВГД» (И. Пузанова, 2-й курс, 1984).

Еще не остыли от «картошки», как кружок снова отправился в дорогу в октябрьские выходные.

«Керчь славна трудовыми и боевыми традициями. Огромный вклад внесли керчане в победу советского народа в Великой Отечественной войне. В память о тех, кто отдал жизнь за освобождение Керчи, благодарные потомки воздвигли величественный монумент на горе Митридат. К нему ведет длинная лестница, освещаемая неоновым светом. Поднимаясь по ней, человек заново осмысливает свою жизнь, проникается глубочайшей благодарностью к тем солдатам и матросам, которые пали смертью храбрых, защищая великую Родину.

40 дней и ночей вели героическую борьбу бесстрашные воины. Огненная земля стала символом мужества и героизма. И вот мы, 20 человек, которые знают о войне лишь по рассказам старших, стоим на высокой горе: под нами раскинулся огромный город, где каждый метр полит кровью советских солдат. А мы стоим и думаем о тех, кто ценой своей жизни дал нам право на жизнь, на учебу, на то, что мы можем стоять здесь, на этом месте. И чувством глубокой благодарности наполняются наши сердца. А внизу сверкает город морем огней, слышится музыка, смех.

Целью нашей поездки была геологическая экскурсия к грязевым вулканам, морскому побережью и на рудник, где счастливым удалось найти керченит – минерал, родина которого Керчь. Мы прошли пять километров степью, и вдруг на горизонте открылось море. Но оно как бы сливалось с небом, переходило в него и казалось просто миражом. Мы приближались – стали доноситься шум прибоя и дуновение чистого, свежего морского ветра. Мы уже на высоком берегу, внизу – плещется море. Все молчат. Как прекрасна жизнь!» (И. Пузанова и Н. Бузова, 2-й курс, 1984).

Осенью 1985 г. меня, наконец, выпустили преподавать в Алжир. Опоздал на семь лет: дети мои уже подросли и ехать не могли. Я оказался в Алжире один. Впрочем, не совсем. В Бумердесе находилась алжирская нефтяная компания SONATRAC, где одним из ведущих геологов работал Брахим Бенрабах, выпускник нашего института, учившийся с Володей Маилянцем, Наташей Караченцевой, моей главной группой петрографов. Он подключил меня к научной работе, вместе с ним и другими алжирскими коллегами написал несколько статей. Тут же работал преподаватель из Харькова – Николай Федорович Шевченко. На два учебных года я оставил свой кружок. Но «Петрограф» – самоорганизующаяся система, работа продолжалась и без меня.

В зимние каникулы 1986 г. прошла ознакомительная экскурсия петрографов на

Кристаллы. Рисунок П. Сынгаевского. (ЗКН, 24.12.1984)

Кавказ под руководством преподавателя И. Б. Кононова и стажера Н. К. Назарова. К весенней научной конференции 109 студентов подготовили 53 доклада. Кафедра участвовала в институтской выставке НТТС, в городских и всесоюзных конкурсах научных студенческих работ. По результатам работы СНО заняла 1 место среди непрофилирующих кафедр Института.

В апреле 1986 г. случилась авария на Чернобыльской АЭС. Навсегда, на миллиарды лет, слой этого года останется в геологической летописи планеты Земля. Взрыв стал детонатором последующих трагических событий. Последствия правительства тщательно засекречивало, о чем я узнал, став экспертом Верховного Совета СССР по Чернобыльской катастрофе, одним из авторов «Закона о Чернобыле». К материалам ученых допустили через пять лет, когда резко сократилось вредное воздействие короткоживущих изотопов. Мы читали подлинные секретные протоколы Политбюро ЦК КПСС о необходимости скрыть от населения опасность пребывания в зоне заражения.

Инна Борисовна Кононова - неизменный участник и самоотверженный руководитель поездок «Петрографа»

14 августа 1986 г. ЦК КПСС постановил прекратить работы по переброске стока северных рек на юг. Победа интеллигенции! Над кем? Правительством и КПСС? Над коллегами – учеными, технократами? По крайней мере, общественность почувствовала свою силу и «экология», как стали называть общественное движение в защиту природы, стала полигоном в борьбе с Системой. Когда-то профсоюзы были школой коммунизма, а экология стала школой антикоммунизма – кузницей кадров разрушителей Державы. Их называли прорабами перестройки. Теперь почти все они в США.

В свете новых веяний впервые провели аттестацию научных сотрудников, что изменило оклады руководящих кадров. Сотрудники кафедры Ю. Г. Пименов, А. В. Перевалова, Л. В. Жукова, Л. И. Семеняка выполняли межкафедральную тему по договору с предприятием «Вьетсовпетро» социалистической республики Вьетнам – петрографические исследования пород, гранулометрические анализы, изучение порового пространства. Ю. Г. Пименов в 1986-87 гг. командировали во Вьетнам, он участвовал в написании отчета по месторождению «Белый Тигр». К весне 1987 г. 267 студентов очного и заочного отделений защитили дипломные проекты под руководством преподавателей кафедры. 34 человека получили дипломы с отличием. Кандидатские диссертации на ученом совете института защитили 50 аспирантов и соискателей, в т. ч. выпускники кафедры. Всего же из дипломников кафедры, вышло 97 кандидатов геолого-минералогических наук и 22 доктора. Все преподаватели кафедры и научные сотрудники – ее бывшие питомцы, начинавшие научную жизнь в кружке «Петрограф».

1987–1988

К осени 1987 г. на кафедре было 33 сотрудника: 5 профессоров, докторов г.-м. наук – В. С. Князев, Т. А. Лапинская, Б. К. Прошляков, Е. Г. Журавлев, В. Г. Кузнецов; 2 доцента – А. М. Чарыгин, П. В. Флоренский; 3 ст. преподавателя – Д. В. Белоусов, И. Б. Кононова, А. Б. Горина и 10 преподавателей. Учебно-вспомогательный персонал – зав. лабораторией Ю. С. Едренкин, ст. инженер А. Н. Горских;

3 учебных мастера – Л. И. Дмитренко, С. А. Петровская, А. Л. Кулешов. Штатные сотрудники НИЧа – ст. н. с. Т. И. Гальянова, Ю. Г. Пименов, А. В. Постников, О. А. Шнип; н. с. Ю. В. Ляпунов, Л. П. Попова, Е. Л. Курбала; м. н. с. Я. М. Хахилева, Д. О. Яковлев, Н. М. Скобелева, Г. М. Титова, Л. С. Сипидина, Е. И. Кудрявцева, М. Ю. Васильева; инженеры – А. В. Перевалова, А. М. Миллер, Л. И. Семеняка; ст. лаборант Л. В. Жирова. Обучалось 8 очных и заочных аспирантов.

Научные исследования проводились в традиционных для кафедры направлениях. Помимо хозяйственных тем, в порядке научного содружества велись работы с 6-ю геологическими организациями, по четырем договорам (с ВО ИГиРГИ, ПО «Томскгеология», ИГиРГИ) находились в начальном периоде. По договору с Якутской комплексной экспедицией ПГО «Ленанефтегазгеология» по теме «Изучение состава и строения фундамента восточной части Сибирской платформы по данным бурения» в течение двух лет обработан керн 15-ти глубоких скважин (отв. А. В. Постников). По договорам с ТатНИПИнефтью и Татнефтью построены крупномасштабные карты фундамента, обоснованы бурение сверхглубокой скважины 20009 и комплексные исследования ее керна.

Победные реликвии об успехах кафедры – правда, но росло и внутреннее напряжение, а кризис совпал с общим упадком в стране, названным «застоем». Положение осложнилось настолько, что встал вопрос об упразднении старейшей и одной из самых славных кафедр. Для сохранения коллектива ректорат решил присоединить кафедру петрографии и геохимии осадочных пород к кафедре системно-геологических исследований, заведующим которой был петрограф 50-х годов профессор Анатолий Николаевич Дмитриевский. В 1987 г. его избрали член-корреспондентом АН СССР, а в декабре 1991 г. – действительным членом АН СССР. Приказ о создании новой, объединенной кафедры литологии и системных исследований литосферы был подписан 6 октября 1987 г. Во многом благодаря реорганизации кафедра была сохранена, и реальное ее руководство продолжало работать.

Летом 1987 г. была принята еще одна группа на специализацию «Нефтегазовая литология» – НЛ-87-7, куратором утверждена А. Б. Горина. Вернувшись из Алжира, я возобновил в осеннем семестре педагогическую работу на кафедре. Тогда же вышла моя монография *, написанная по материалам докторской диссертации. Но до профессорства оставалось еще много лет тяжелого ожидания.

*Флоренский П. В. Комплекс геолого-геофизических и дистанционных методов для изучения нефтегазоносных областей. М.: Недра, 1987.

Кафедра петрографии и геохимии осадочных пород. 1987

26 ноября 1987 г. отмечалось 85 лет со дня рождения Л. В. Пустовалова. В научной конференции принимали участие кафедра петрографии и геохимии осадочных пород и Институт литосферы АН СССР. Заседание проходило в конференц-зале ИЛСАН под председательством ст. н. с. Н. И. Юдина, выпускника кафедры и многолетнего сотрудника Леонида Васильевича по Лаборатории осадочных полезных ископаемых. Это был достойный человек, крупный ученый. Я работал у него коллектором летом 1955 г. на Енисейском крыже, когда он изучал железорудные осадочные месторождения.

Были заслушаны доклады:

1. Научная и педагогическая деятельность Л. В. Пустовалова (Т. А. Лапинская, В. С. Князев, Б. К. Прошляков, Н. И. Юдин).

2. Развитие научных идей Л. В. Пустовалова в работах его учеников (В. П. Рахманов).

3. Развитие идей Л. В. Пустовалова об эволюции осадочного процесса в работах кафедры петрографии осадочных пород МИНГ им. И. М. Губкина (А. Н. Дмитриевский, Б. К. Прошляков, В. Г. Кузнецов).

4. Роль гальмиролиза в осадочных процессах (Л. А. Игнатъева).

5. Изучение фосфатонесных образований в свете идей Л. В. Пустовалова (Н. И. Юдин).

6. О некоторых геологических за-

Сергей и Анатолий Николаевич Дмитриевские - кружковцы разных поколений

кономерностях размещения фосфоритов Восточного Саяна (Ю. М. Красотов).

7. Об эпигенетической доломитизации карбонатных пород (М. А. Андрианов).

С воспоминаниями о работе с Л. В. Пустоваловым выступили М. Е. Бердичевская, Е. М. Гурвич, И. А. Заседателев, А. А. Беус, П. В. Флоренский.

Весной 1988 г. «Петрограф» поехал в ставшую родной Среднюю Азию. «Несколько дней мы провели в Бухаре – одном из красивейших городов нашей страны. Особенно поразили нас уникальные памятники древнего зодчества: мавзолей Исмаила Самани, мечеть Калян, медресе Мир-Араб, в котором обучаются будущие муллы, цитадель Арк – древнейший архитектурный памятник, служивший крепостью и дворцом эмира до XX века. Побывали мы и в кишлаке Вабкент, славящемся мастерами-керамистами и древним минаретом, ровесником Москвы. Там мы по-настоящему ощутили узбекское гостеприимство: незнакомец из местных жителей пригласил к себе в дом, напоил зеленым чаем, угостил домашним хлебом, фруктами, с большим интересом слушал рассказ о том, кто мы и откуда. Целью нашей поездки был горный поселок Табошар, расположенный к северу от Ленинабада; там мы увидели, как изготавливаются поделки из природного камня. Поразило место, куда выбрасываются обрезки цветных камней: лазурит из Забайкалья, нефрит из Саян, яшма с Урала, мраморный оникс из Казахстана! Недалеко от поселка

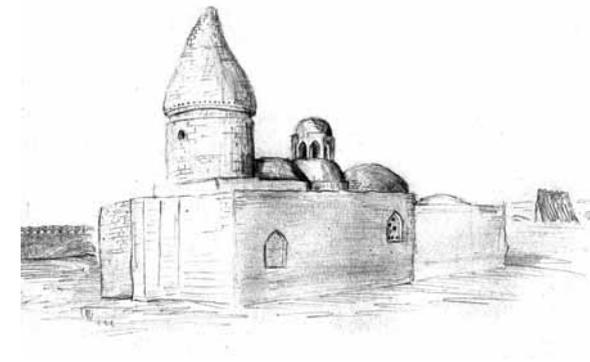

Аспирант Махтумкули Киясович Акмурадов (ныне министр экологии Республики Туркменистан)

на поверхность выходит уникальная аметистовая жила, после осмотра которой наши рюкзаки стали неподъемными. Побывали и в карьере с цветными агатами, спускались в шахту, где добывают свинцово-серебряные руды, поднимались в горы – кладовую геолога. Самым интересным был маршрут в Бирюзакан, где каждый хотел найти хотя бы

Минарет XII века. Вабкент (окрестности Бухары). Рисунок П. В. Флоренского. 1960

Чашма Аюб (Иова). Бухара. Рисунок П. В. Флоренского. 1960

осколочек голубой, как горное небо, бирюзы». (О. Минакова, 3-й курс и Е. Колесниченко, 2-й курс, 1988)

1988-1989

Наступила осень. «С первых дней учебного года начинаются экскурсии студентов геофака по Подмосквовью. Есть минералы, которыми наш край богат не менее знаменитого Урала. В окрестностях столицы находят даже золото, что уж говорить об аметистах, на поиски которых в конце сентября отправился «Петрограф». Воскресным

утром 10 студентов во главе с руководителями кружка П. В. Флоренским и А. В. Гурьяновым направились к карьеру в 40 километрах от города. Нам повезло! Мелкие, бледно-сиреневого цвета кристаллы радовали глаз удивительно правильными формами. Образовались они в то время, когда отступало палеозойское море. Кое-где обнаружались четкие отпечатки древнего морского дна. На чередование геологических пластов повлияли колебания земной коры, периоды похолодания и оттепели, приход морей и многое другое. Горные породы – это окаменевшая история нашей планеты. Желающих научиться «читать» ее страницы мы приглашаем в старейший студенческий кружок нашей страны – «Петрограф». Наш адрес – комнаты № 421, 424, 404» (Ю. Шульженко и Е. Скоморохова, 2-й курс, 1988).

«Ноябрьские праздники "Петрограф" встретил на северо-западе Украины. На ознакомительную экскурсию по Воьлини во главе с руководителем кружка П. В. Флоренским отправилось человек 20 (шестеро – ребята из ГДР). С нами поехал даже выпускник МИНГ Юра Рамзин, работающий на Сахалине. Остановились в гостеприимном старинном городе Володар-Воьлинском – бывшей вотчине знаменитого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова. В местной школе к нам отнеслись с пониманием и разрешили пожить в спор-

Мавзолей Исмаила Самани. XII век. Бухара. Рисунок П. Сынгаевского. 1988

Медресе. Бухара. Рисунок П. Сынгаевского

На аметистовой жиле Кураминского хребта. Фергана. Январь 1987 года

Зерн Нойманн, студент из ГДР (ГИ-87-4)

тивном зале. В день приезда мы побывали на отвале рудника. Искали топазы, но когда увидели несравненной красоты морионы, гранаты, пегматиты, восторгу не было предела! А вечером в гости пришли школьники. Они рассказывали о своем крае, его обычаях, а мы – о Москве, о нашем институте. На следующий день нас порадовал местный музей добычей с окрестных рудников. Какие там попадались замечательные экземпляры! Но любовались минералами и породами мы не только в музейных витринах. Накануне отъезда решили в последний раз побродить по столь полюбившимся нам местам. И вдруг... Небрежно перевернув молотком кусок валявшейся породы, Юля Шульженко заметила, как что-то блеснуло под лучом солнца. Нагнулась и подняла топаз размером с куриное яйцо. Вот это находка! Не напрасно поехали студенты в такую даль! Возвращались мы усталые и счастливые – с тяжелыми рюкзаками. Институтская и наши

собственные коллекции пополнились прекрасными новыми образцами». (Е. Скоморохова, и Ю. Шульженко, 2-й курс, 1988)

Форма выветривания. Рис. П. Сынгаевского

«На майские праздники неутомимый "Петрограф" во главе с А. В. Постниковым побывал в Крыму. За неделю успели многое: посетили Симферополь, Феодосию, Алушту, Керчь, искупались в Черном и Азовском морях, заглянули в музей Айвазовского, спустились в Аджимушкайские катакомбы и обгорели до волдырей под майским крымским солнышком. Базой выбрали Керчь. Древняя и прекрасная столица Босфорского царства встретила приехавших из промозглой Москвы северян пасхальными торжествами, раздольем зелени, цветов и света. Но цель поездки – знаменитые керченские рудные карьеры, таящие зеленовато-синие, лучисто-игольчатые хрупкие кристаллы вивионита. Найти нелегко – прячутся они в ничем не привлекательной рыжей породе, в полостях раковин, но терпеливого искателя вознаграждают за труды необыкновенной красотой и изысканностью». (Е. Скоморохова и Ю. Шульженко, 2-й курс, 1989)

Кружок жил под заботливой опекой института, как будто кругом не творился бедлам. Началось всеобщее увлечение политикой. Реорганизация экономики и демократизация, вернее, либерализация внутренней политики обещала гражданам, в первую очередь молодежи, бесконечные перспективы... Сотрудники Института были выдвинуты на выборах 1989 г. кандидатами в депутаты Верховного Совета

А. Флоренская (ГП-87-6) в поисках агатов. Северная Фергана, Абдрасман

СССР, а будущий декан геологоразведочного факультета, которого тогда мы называли Витей Филипповым, стал депутатом. В моем родном городе Загорске первый тур выборов не состоялся, на конец мая назначили повторные выборы. Друзья-экологи предложили мне баллотироваться. Я понимал, что это возможность говорить с людьми; казалось – есть, что сказать. Я вел записи, собирал бумажки – вопросы и листовки, а потом написал о выборах очерк.*

Итак, лето 1989 г.

Отшумела предвыборная кампания. Прошли выборы. Завершился первый Съезд народных депутатов. Закончилась сессия Верховного Совета СССР. Наступили каникулы. Отдых. Осознание. Оценка. Отрезвление. Протрезвление? Перебирая вырезки из газет за апрель-июль 1989 г., неожиданно почувствовал оторопь. Вспомнились статьи о прошлых

съездах. Много общего: сколько ликования, самоуверенности! Сколько чувства глубокого удовлетворения! Только теперь – самоудовлетворения. Шестое или уже седьмое чувство homo sovieticus. Раньше предметом шестого чувства был «тот человек, для которого все...» Теперь же – седьмого – мы сами. Продукты чувства самоудовлетворения равномерным липким слоем покрыли всех нас. Во всех газетах, во всех статьях: «Сколько же среди нас умных, хороших и интеллигентных людей!» В подтексте, конечно, «и я тоже!» А ведь в месяцы выборов и дни Съезда клокотал Карабах, взорвался Тбилиси, ответными жертвами детонировал Сухуми, горел Новый Узень, чадила Фергана, дымила Уфа. А мы в это время смотрели, как многосерийный итальянский детектив то, что так правильно, зло и беспросветно мило общутил М. Жванецкий.

Спокойно сошли с трибуны Съезда руководители грузинской компартии, так и не назвав имена отдавших приказ на убийство наших сестер. В страшные дни Ферганы того, кто обязан отвечать за порядок в республике, а потому – ответственного за гибель сотен людей**, подавившим и подавляющим большинством голосов избрали председателем Совета Национальностей, а тем самым дали московскую прописку.

Я опубликовал статью о планомерном разрушении памятников архитектуры***. Рядом – крик о наших детях Р. Фирсова «Осквернители». Жуткое первобытное языческое надругательство над могилами. Кто прав, кто виновен?

* Флоренский П. В. Против кого мы водимся? // Грани, 1990, № 158. С. 200-241

**Головков А. Затмение // Огонек", 1989, № 29

***Флоренский П. В. Победы и беды советской реставрации // Лит. Россия. 1989. 4 авг.

В августе того же 1989 г. я был на семипалатинском ядерном полигоне. Под большим секретом Полишинеля в гостинице, с оглядкой на горничную, человек десять журналистов и ученых собрались, чтобы показать видеозапись рассказа 65-летнего бывшего бухгалтера колхоза Кара-аул о том, как 12 августа 1953 г. (так дана дата в БСЭ, он же назвал 6 августа) 39 местных партийных и советских работников и одну продавщицу не эвакуировали, как большинство населения, а оставили невдалеке от горы Делеген, где взметнулся водородный – первый в мире – гриб. Попросили только выйти из домов – могли обрушиться... Тот же взрыв наблюдал из укрытия его автор – тогда еще не доктор физико-математических наук, не академик и не многократный Герой социалистического труда*. Был ли вообще – этот просмотр? Или это был кошмар после ночи в юртах на полигоне? Правда или провокация? Не ведаю... «Против кого мы с тобой дружим?...» Против кого метаем бомбы замедленного на десятилетия действия?

Что же с нами произошло? Вы ушли от нас. А мы-то с вами, «афганцы». С вами, потаенные караульцы. С вами, чернобыльцы, тифлисцы, ленинканцы, погибшие после упреждения Католикоса наложить печать на уста свои после событий на земле моих далеких предков, в Карабахе. С вами, ферганцы... Кто следующий?

Что же с нами произойдет?.. Если не можем сейчас ответить, то хоть сохраним материалы для тех, кто алчет и ищет ответ. Ибо мы в надежде, что горький урок наш пойдет кому-то на благо. Не это ли главный урок отчизны нашей, как предрекал друг великого поэта, объявленный императором безумцем? Поэтому хватит. О деле. Не терять холодной головы. Не затыкать глаз, ушей и рта, как те три обезьяны на сувенирах аэропортов юго-восточной Азии. Вернемся же к началу, к выборам. Это был действительно взрыв запечатанной семь десятилетий энергии. Простим себе многое, ибо долгое терпение чревато истерикой и битьем головой о стены. Выборы выплеснули программы, речи, выступления, вопросы, листовки, мысли, слова, стоны.

Говорят, что предреволюционную подпольную литературу и листовки собирала охранка. И ее собрание уникально для истории. И оно украшает то ли архив ЦК КПСС, то ли Музей революции, то ли ушло в США. А собрали ли компетентные органы современные листовки? Или проворонили.

Как же этот исторический момент – выборы – сохранится для будущего? Конечно, сохранятся газеты, журнальные статьи, обзоры, будут написаны воспоминания. Вместо многообразия кандидатов в народные депутаты, остались избранники, но нередко их программы оказывались забытыми на Съезде, как и листовки, отражая сиюминутные настроения инициативных групп. Первичное – главное – это избиратели, которые обозначили свое отношение голосованием, а до этого – на предвыборных собраниях и встречах, где присутствовала самая активная часть населения. К сожалению, протоколы собраний почти не велись.

Будучи по роду работы собирателем-геологом, а по давнему, с детства, пристрастию – коллекционером-филателистом, я тщательно собирал все, что касалось выборов в нашем округе**.

* Шкловский И. Укрепи и наставь... // Техника молодежи. 1989. № 8

**Позже папку с материалами о моих выборах у меня забрал Исторический музей. Теперь хвалюсь, что мои документы хранятся на Красной площади.

Уже предварительные результаты голосования меня поразили. Хотя чему, собственно, удивляться? Все было ясно после опросов на предвыборных собраниях, следовавших за телепередачами. Но головой не получается понимать то, что, как и всякое плоское, лежит на поверхности. Голосуют за тех, кого знают, но знают изда-лека. А знают «ящик»-телевизор. И голосуют в первую очередь за него, главное – лишь бы за «не своих».

Увы, это так, предпочли не своих, а чужих, не реальных, а телевизорных. Впрочем, все это эмоции. А я взялся рассказывать о выборах, коли трудно их пока объяснить и почти невозможно (я в этом убежден) дать точный прогноз распределения голо-сов на будущее. По роду научной работы мне приходится анализировать распре-деление по природным объектам той или иной естественной характеристики. При-вычно нанес на график распределение голосов среди кандидатов в народные депутаты. По горизонтали отложил места, которые каждый из них занимает, а по вертикали – логарифм числа отданных за каждого голосов. (Можно оперировать процентами голосов, это не принципиально.) Построил и, хотя втайне был готов к этому, не поверил себе: та же прямая! В принципе на аналогичную прямую легли распределения голосов избирателей по всему округу в целом. Более того, распре-деление голосов в Москве (в Люблинском, Пролетарском и Кунцевском избира-тельных округах) точно такое же. Точно такое же, как и распределение энергии землетрясений, массы метеоритов, населенных пунктов в зависимости от населения и многих других явлений. Что же из этого следует? Во-первых, что прошедшие выборы не искусственный, а естественный процесс, судя по естественности распре-деления голосов. Поэтому наши предвыборные кампании, выступления, листовки, телепередачи, статьи в газетах – естественное явление, позволяющее, помогающее раскрыться этому процессу. Конечно, разговор идет не об отдельных кандидатах, их достоинствах, корректности и т. д., а о противостоянии двух единых явлений, двух единых коллективов: с одной стороны, – двадцатиглавого кандидата в народные депутаты, а с другой, – многотысячного избирателя. И то, как понравился первый второму – степень симпатии, ее распределение, ее характер – ничем не отличается от других естественных процессов.

Итак, голоса 82% избирателей легли на прямую в логарифмическом масштабе; то есть число голосов, поданных за одного кандидата, отличается от числа голосов, поданных за другого, в 1,5-3 раза. В среднем. Другими словами, число голосов, поданных за любого кандидата, больше суммы голосов, поданных за кандидатов, набравших меньшее число голосов, занявших следующие места. Так что «склад-чина» голосов смысла не имеет. Нет, есть много случаев, когда два лидера имеют близкое число голосов, еще чаще мало отличаются аутсайдеры. Но общая тенденция налицо. Это мог увидеть компьютер, который видит только цифры, а я знаю предвыборную кампанию изнутри, помню лица и избирателей, и кандидатов, и посмотреть, как распределились голоса, особенно интересно.

Лидеры – это обязательно чужие люди. Я бы сказал, чуждые земле люди.

Выборы в 31-м территориальном округе – абсолютная победа центрального пропагандистского аппарата. За его кандидатов проголосовало 55,8% избирателей. Тут что-то не сходится. Ведь избиратели не хотели выбирать аппаратчика. Они

показали это на первых турах выборов, беспокоились об этом в своих вопросах. Но на повторных выборах округ избрал именно работника аппарата. Хотели «борца», а избрали работника партаппарата пропагандистского ведомства... Ничего страш-ного. В Италии в парламент избрали звезду порношоу Илону Сталлер. Но в 31-м округе выбрали борца...

Все-таки я ожидал большего патриотизма в избирателях. Что это значит? То, что мы сами на себя не надеемся. Мы ждем помощи извне: «Вот покажут нас по телевизору, и грязь пропадет!» «Вот научит нас столичный экономист торговле (а не работе), и всего будет много!» Так думают 71,1%. Верят не в себя, не себе. Во время Съездов эта тенденция прозвучала очень определенно: одолжить, купить, продать, получить в подарок, спонсор, займофонд и т. д. Удивительно такое неуважение к своим: мы не только не «за них», мы против них. Но, вспоминая, как держали себя кандидаты-уроженцы округа и их программы, я убежден, что были выдвинуты хорошие и достойные люди. Парад донкихотов! И немного горько, что по правилам игры сблизиться друг с другом было неудобно. И никогда не забыть своих «сопер-ников», с которыми провел несколько самых значительных дней своей жизни: четыре предвыборных собрания.

Теперь признаюсь, что понимал: доверенные лица и вся инициативная группа, выдвинувшая меня кандидатом в депутаты, рассматривала П. В. Флоренского не только как свою собственность, но и как нечто вроде игрушки, в которую они бережно и заботливо играли. Я всеми силами старался им не мешать. Да и какие у меня были доверенные лица! Тезка Павел Куприянович Турухин, в прошлом лет-чик-афганец, а теперь поэт, один из членов общества «Старый город» помогал мне вместе со своим сыном-первоклассником, который раздавал листовки сверстникам. Афганцы города состояли в моей инициативной группе. Отец Федор (Мушинский) – один из пламенных борцов против произвола и за порядок на выборах, один из тех, кто возглавил движение за возвращение городу его исторического всемирно известного имени. Он говорил: «Украден у русской истории город Сергиев Посад, переименованный в Загорск – в честь человека, к городу не имевшего отношения и ни разу не посетившего его»*. (На выборах тоже лидировали кандидаты, «к городу не имевшие отношения». Неужели это просто совпадение?)

Александр Умарович Греков, искусствовед, специалист по народному искусству и истории города, борец за Сергиев Посад.

Евгений Петрович Журухин, Борис Ильич Краев, Иван Иванович Харченко и другие – почти все художники города мне помогали, подготовив гигантские пла-каты, листовки. А Иван Иванович даже пострадал: он вывесил из окна своего дома искусный плакат, видимый с главной улицы города, Проспекта Красной Армии «Голосуйте за Флоренского!» В день выборов к нему пришел участковый и составил акт. Не знаю, оштрафовал ли.

Еще два доверенных лица были у меня в Дубне – Виктор Николаевич Первушин, физик-теоретик и философ, и другой, но уже «зеленый» Эрнст-Ахмед Закиевич Тагиров. Итак, на выборах за меня проголосовало 2,5%. Я занял среди кандидатов

* Опубликовано в статье: Старшинов Н. Вернуть городу имя // Московский литератор. 1989. 30 июня.

Профессора Университета (И. Н. Новацкий, В. И. Герье, И. О. Клейн, Н. В. Бугаев, А. Д. Булыгинский, А. М. Макеев, Д. Н. Зернов, И. И. Нейдинг, А. П. Лебедев, Н. А. Умов, В. О. Ключевский, Н. А. Елеонский, И. В. Цвѣтаев, В. С. Богословский, А. Б. Фохт, К. А. Андреев, В. О. Снегирев, граф Л. А. Камаровский, Д. Я. Самоквасов, А. И. Кирпичников, Ф. О. Фортунатов, А. П. Сабаньев, П. Н. Мрочек-Дроздовский, В. О. Миллер, И. Т. Тарасов, Р. О. Брандт, А. С. Алексеев, Д. Н. Анучин, А. П. Соколов, Н. Е. Жуковский, О. И. Сеницын, Г. Е. Колоколов, А. П. Павлов, А. А. Тихомиров, В. К. Цераский, П. Э. Соколовский, Е. А. Нефедьев, С. О. Бубнов, Л. М. Лопатин, В. Д. Шервинский, Н. Н. Любавин, В. А. Тихомиров, Н. О. Филатов, Н. Ю. Зограф, М. В. Духовской, Н. С. Суворов, Б. К. Млодзевский, К. М. Павлинов, П. М. Попов, С. И. Соболевский, Л. А. Кассо, М. И. Соколов, Н. С. Корсаков, А. А. Крюков, Н. О. Голубов, Н. А. Митропольский, Н. Д. Зелинский, П. И. Дьяконов, Л. З. Мороховец, М. Н. Никифоров, И. К. Спизарный, В. К. Рот, Л. К. Лахтин, К. О. Клейн, А. П. Губарев, В. И. Вернадский, В. М. Хвостов, Р. Г. Виппер, Э. Е. Лейст, П. Н. Лебедев, князь С. Н. Трубецкой), собравшись в экстренных заседаниях 24 и 25 февраля, постановили обратиться к студентам с следующим воззванием:

Когда в семье случается горе, обязанность старших стать на страже семьи и дать свой совет. Потому мы, профессора, Ваши учителя, друзья и товарищи по научной работе, считаем долгом обратиться к Вам с советом и просьбой.

Чтобы выйти из тяжелого положения нужны самообладание и вера во всепобеждающую силу истины. Первое необходимо для того, чтобы точно распознать правый путь от ложного, второе — чтобы уничтожить в себе уныние духа. Проникнитесь этими двумя началами и выслушайте нас, как людей опытных, прошедших десятки лет в стенах Университета, дорожащих честью и достоинством его и любящих Вас.

Вас запутывают, обманывают и намеренно ухудшают Ваше и без того нелегкое положение.

Люди, нечестные к интересам науки и Университета, навязали Вам новое несвойственное студенту слово и действие «забастовка», т.е. заставили Вас смотреть на Университет как на учреждение фабричное, а не научное, чтобы таким образом стереть самое название Университета. Вдумайтесь в такое положение дел и скажите по совести, возможно ли подоб-

Обращение профессоров Московского университета к студентам во время беспорядков 1901 года

8-е место. Так как голоса – это сердца, а ценность человеческого сердца бесконечна, то я стал богачом. Спасибо Вам, земляки! Спасибо тем, кто доверил мне свое сердце. Эти голоса укрепили мою сыновнюю привязанность к городу моих предков, моего детства и моей юности. Спасибо.

«Перестройка», которая привела к распаду СССР – страны с одним из самых высоких уровней образования молодежи, в вузах шла странным образом.

Демократизация заменила дисциплину, разрешили свободное посещение занятий, сократили курсы, отвели студентам часы для «самостоятельной работы». В результате были потеряны те студенты, которым стало казаться, что высшее образование не нужно, чтобы свободно зарабатывать большие деньги. А зарплаты пре-

ное отношение к Университету со стороны людей, посвятивших себя изучению науки? Достойно ли это сыновь русского народа, — народа, который последние крохи свои отдает на Ваше научное воспитание. И так это путь ложный и опасный. Этим путем уже достигнуты «Временные правила»; теперь Вам предлагают продолжать идти тем же путем, т.е. несомненно стремятся ухудшить еще больше Ваше положение. Вам устраивают сходы и на эти сходы приглашают людей совершенно чуждых Университету; частное явление Университетской жизни стремятся раздуть в общий пожар. В Вас будят страсти, сообщая Вам ложные сведения, соблазняя Вас мыслью, что в Вашем деле принимают участие все учебные заведения и само общество, называя такие факты «грандиозными манифестациями». Вам печатают и рассказывают о вымышленных злодеяниях, которые возбуждают ужас и трепет. В вашу университетскую семью привлекают доверчивых и сострадательных женщин, нервозность и возбудимость которых еще больше смущает и волнует Вас. Вывешивают плакаты с надписью «Требуем отмены Временных правил», хорошо сознавая, что требование равносильно приказу, и тем отрывая Вам путь к отступлению. В Вас будят чувства жалости и негодования, смущая Вас перспективой нагайки, и все это совершают люди, не имеющие, может-быть, никакой связи ни с Вами, ни с Университетом, ни с наукой.

Университет становится злосчастной отдушиной, чрез которую люди всех рангов и сословий стараются пропустить свое недовольство будет ли то недовольство политическое, экономическое, социальное и т. д.

Университет находится в осаде. Как же выйти из этого положения? Забудем слово «забастовка» и никогда не применим его в стенах Университета. Выйдем из тяжелого положения путем точного исследования фактов — единственно верным путем. Но для этого необходимо, чтобы жизнь Университета не прерывалась, и занятия шли ненарушенными; только при этом условии и при полном доверии с Вашей стороны профессора получают возможность содействовать приведению в порядок столь осложненного университетского дела. Мы просим Вас, продолжайте Ваши занятия.

подавателей не хватало даже оплатить проезд на работу. В этой обстановке в 1993 г. на должность ректора Академии избран Альберт Ильич Владимиров, бывший аспирант нашего института.

Обстановка была очень сложная. Шло генеральное наступление на экономику страны, в т. ч. на высшую школу, но именно она дала наряду с «прорабами перестройки» и тех, кто сохранял страну. Впрочем, война с высшей школой, где сосредоточены значительные ценности, которые хочется приватизировать, еще впереди. В Академии стали крутиться агитаторы, благо двери ее были демократично распахнуты, и она казалась проходным двором. Агитаторы собирали подписи с требованиями увеличить зарплату и угрозой забастовки преподавателей. Я передал в нашу газету «Поиск» письмо профессоров к студентам Императорского Московского университета написанное во время студенческих волнений 1901 г.*

Администрация института прилагала героические усилия, чтобы сохранить площади, сотрудников, преподавателей, а главное – студентов. Наш коллектив, как и

* Флоренский П. В. Забудем слово забастовка // Поиск. 1993, № 11

вся высшая школа, оказался достойным своего места, и преподаватели не бросили учеников. Хотя Советский Союз стал теперь РФ, задача наша неизменна с тех пор, как ее записали шумеры на глиняных табличках: учить собственных детей.

Теперь можно утверждать, что администрация Академии сумела отвести от нас беду, хотя борьба с высшей школой, увы, не кончилась. Говоря о 90-х годах, нельзя забывать, что происходило в бывших республиках СССР, где ежегодно бывали петрографы. Расскажу о трагедии Грозненского института, нашего старшего брата (основан в 1920 г.). Несмотря ни на что, учебный процесс в институте не прерывался вплоть до 1999 г. с перерывом в 1995 г. Наш Университет связан с ним крепкими узами, а я, обманув друзей и близких, умудрился после туристской поездки в Северную Осетию сбежать в Чечню в августе 1995 г. и ездил там на попутных машинах вплоть до легендарного Ведено. Когда работал над этой книгой, в Чечне отпраздновали 85 лет Грозненского нефтяного института и издали книгу, где подробно рассказано о 90-х годах*. Приведу несколько выдержек о событиях вокруг института, коим и я был свидетелем.

Как и на всем пространстве Великой державы в 1991 г. в Чечне начались преобразования, которые вели под демократическими лозунгами новые власти. Чечню стремились изолировать от внешнего мира, вернув в отредактированном виде древние традиции. К 1992 г. обстановка криминализировалась. Грабежам подверглись преподаватели Института, А. Н. Удодов был убит. В 1993 г. убиты преподаватели В. Г. Краснобрыжев, Е. А. Сафронов, многие покинули республику. Ректорат Института оказался в оппозиции к власти, проректора И. А. Керимова обвинили в отсутствии патриотизма. Конечно, ГНИ не был полностью отгорожен от той политической, экономической и духовной обстановки, которая царил в республике. Его материально-техническую базу разворовывали. Преподаватели и сотрудники института пытались самостоятельно организовать охрану институтских зданий, его оборудования: поочередно, рискуя жизнью, дежурили в корпусах института.

Но эта драма померкла осенью 1994 г., когда началась невиданная по своей жестокости война. В эпицентре военных действий оказались корпуса нефтяного института в центре города. «Как мы были удивлены, – вспоминает очевидец, – когда, придя на занятия 26 ноября 1994 г., увидели во дворе главного корпуса института, под голубой елью... зенитную установку. Даже ощутив страх, не могли поверить, что все это настолько серьезно и может угрожать жизни людей». Но события разворачивались вопреки здравому смыслу...

Это были тяжелые дни. Сотрудники института прощались друг с другом, не зная, выживут ли в этой непонятной бойне. «Последний раз мы собрались на квартире у одного из коллег, – вспоминает ректор института И. А. Керимов. – Над городом уже полыхало зарево пожарищ. Никто из нас не был уверен, что это не последняя встреча. Каждый говорил словно в последний раз. Помню, как я сказал, что самое главное – это с честью для себя, коллектива, института и народа пройти это испытание; если останемся жить, сможем без угрызений совести взглянуть в глаза друг другу».

*Грозненский государственный нефтяной институт им. акад. М. Д. Миллионщикова. 1920–2005. Грозный. 2005.

12 декабря 1994 г. первые бомбы упали на один из корпусов нефтяного института. Это потрясло всю общественность республики. Все думали – случайность, ошибка, и обеспокоенные сотрудники считали, что еще смогут остановить этот ужас.

В январе-феврале 1995 г. корпуса ГНИ, оказавшиеся в эпицентре военных действий, были полностью разрушены.

Вспоминает доцент С.-А. Ю. Муртазаев: «Я смотрел на оставшиеся от института руины, где когда-то размещалось помещение и нашей кафедры строительного производства. Сколько труда и средств вложено в ее оснащение самым современным оборудованием и всем необходимым для полноценного ведения занятий! Но особенно жуткое впечатление создавали обгоревшие стволы деревьев без единой ветки, которые продолжали стоять у разрушенного здания как немое напоминание о пережитом ужасе...»

Рассказывает преподаватель С. М. Дибиев: «Уже в марте, как только в городе несколько затихли боевые действия, мы с преподавателем кафедры Г. М. Петросовым пешком направились в город и через руины, по совершенно безлюдным переулкам, пробрались к институту. Лестницу мы не нашли, но всё же по обломкам вскарабкались на второй этаж. С трудом ориентируясь, мы прошли туда, где когда-то находилась наша кафедра. Мне трудно даже вспоминать об этом: все было превращено в пыль...»

Но все это не сопоставимо с человеческими потерями. В числе тысяч безвинных жертв этой войны были и десятки сотрудников, студентов института и членов их семей. Это будущее науки, образования, это безвозвратно потерянный духовный потенциал нашей республики, на восстановление которого уйдут десятки лет...

Декан электромеханического факультета, к. т. н. доцент Иван Евдокимович Катрышев погиб в январе 1995 г. при минометном обстреле Грозного. Осколок попал ему в голову... Вместе с ним были убиты Леонид Иосифович Игнатенко и его супруга. В тот день пали многие... Гибли преподаватели и студенты – русские, чеченцы, ингуши. Только с декабря 1994 г. по август 1996 г. погибло 27 студентов.

Суровая действительность накладывала жуткий отпечаток на жизнь института. Восстановление кафедр, факультетов, отделов началось с выяснения того, кто остался жив и составления соответствующих списков. Каждого сотрудника, появившегося во дворе института, встречали с нескрываемой радостью.

Преподаватели института ежедневно с апреля по сентябрь 1995 г., рискуя наткнуться на мину или оказаться заваленными, разгребали руины, грузили на уборочные машины и вывозили мусор, расчищая территорию трех помещений института. Остатки учебного оборудования, литературы приберегали для дальнейшей

Шагающий экскаватор, брошенный в затопленном угольном карьере. Экскурсия петрографов в Тульский угольный бассейн. 2006

Руины в Грозном.
Фото П. В. Флоренского. 1995

работы. Энтузиазм, вызванный верой в возрождение института, был выше всех трудностей.

На выборах большинством голосов ректором института был избран И. А. Керимов, затем утвержденный коллегией госкомитета по высшему образованию РФ. На первом же Ученом совете он поставил самый актуальный вопрос: «О мерах по восстановлению материально-технической базы института».

Однако в 1996 г. наступил новый переломный период после августовских событий в Чечне, когда республика опять потеряла перспективу развития и вернулась к исходной точке отсчета – 1991 году.

Группа сотрудников института организовала письмо-обращение к З. Яндарбиеву, исполнявшему обязанности президента ЧР, и в службу национальной безопасности республики о «предательской политике ставленника Рос-

сийского Федерального центра» ректора И. А. Керимова, о его «пророссийских» политических взглядах, кардинально расходящихся с официальной политикой Ичкерии и т. п. В условиях начавшейся «погони за ведьмами» для ректора ГНИ это было равносильно смертному приговору. Как «вещественное доказательство» предъявлялась записная книжка ректора, в которой содержались рабочие номера телефонов коллег и руководства комитета по высшему образованию РФ. Авторам письма удалось добиться снятия И. А. Керимова с должности ректора (Указ президента Республики Ичкерия № 266 от 30 декабря 1996 г.). На его место был назначен Р. М. Мурдаев.

В середине 1997 г. вновь проводятся выборы, в которых участвуют оба ректора. На конференции по результатам голосования делегатов института ректором ГНИ был избран Р. М. Мурдаев (55% голосов).

Политика выдавливания интеллигенции из республики шла полным ходом. Преследования, гонения и расправы по идеологическим и политическим мотивам за якобы сотрудничество с федеральной властью, негативную оценку перемен – такие методы применялись властью республики к неудобным. Вспоминает зав. кафедрой философии и политологии доцент Б. Б. Нанаева: «Осенью 1997 г.

Солдаты на фоне руин Дворца правительства в Грозном.
Фото П. В. Флоренского. 1995

службой национальной безопасности ЧР против преподавателей вузов республики, в т. ч. меня, были возбуждены дела и предпринимались неоднократные попытки ареста. В результате я была вынуждена оставить занятия и изменить место проживания».

В эти годы коридоры института напоминали военный штаб. Некоторые студенты были вне конкурса набраны из числа молодежи, находящейся в военизированных структурах республики. А многие предпочитали носить военную одежду и оружие – человек с ружьем чувствовал себя хозяином в вузе среди сугубо штатских людей. 18-летние «командиры дивизий и бригад», потрясая оружием, могли унижить преподавателя, стараясь принудить его поставить зачет или экзамен.

Вспоминает доцент Н. М. Мусиханова: «Сколько терпения и такта требовалось от преподавателя для общения с ними. Нередко студенты приходили на лекции или экзамены, обвешанные оружием. Вместо приветствия такой студент обычно клал на стол это тяжелое обмундирование, затем начинался разговор, который часто переходил в угрозы, порой нелепые, порой жестокие. Один студент, потрясая оружием, угрожал, что уволит с работы не только меня, но и половину сотрудников института, если я не поставлю ему "пятёрку"...»

Но часть студенческой молодежи хорошо осознавала необходимость знаний для трудовой жизни и развития республики.

Говоря об этом времени, нельзя не вспомнить трагические судьбы преподавателей института. 9 апреля А. Щежин был вывезен знакомым в Ца-Ведено, и после этого его никто не видел. А. Поломошнов был застрелен во время погрома, учиненного бандитами в его квартире. В 1996 г. был найден убитым старший преподаватель А. Г. Арутюнов; его жена и сын погибли в результате артобстрела в Грозном еще в январе 1995 г. В 1997 г. в своей квартире был найден мертвым заведующий лабораторией кафедры производства строительных конструкций П. П. Колесников. В 1998 г. убит директор библиотеки ГНИ В. С. Коротецкая.

Тогда же правительство республики открыто ставит перед обществом вопрос: «Зачем столько специалистов, и есть ли необходимость в таком количестве вузов?». Было забыто, что каждый севший за парту студент – это потенциал, через который народ сможет встать вровень с другими цивилизованными народами. Но действия руководства республики в этот период носили алогичный характер...

Центр потерял надежду навести порядок в демократической Чечне, и местные

Руины в Грозном. Фото П. В. Флоренского. 1995

власти периодически меняют одна другую. Теперь не то что говорить правду, а вообще говорить – смертельно опасно, поэтому описание последующих лет в этой трагической юбилейной книге сделано в духе победных репортажей застойного времени. И сейчас там происходят не менее страшные вещи. На мои предложения прочитать в Грозненском институте курс лекций, коллеги ответили резким отказом. Тем не менее, ГНИ постоянно находил поддержку нашего Университета. Мы посылали в Грозный книги, учебные пособия, лабораторное оборудование. У нас в Университете учится более 100 грозненцев, прошедших ужасы войны.

Несколько лет РГУ проводит встречу с ректорами вузов России по воспитательной работе, где я рассказываю о «Петрографе» и кураторстве над грозненскими студентами. Часть выступления опубликовал журнал «Студенчество. Диалоги о воспитании».

Руины в Грозном. Фото П. В. Флоренского. 1995

ПОНИМАТЬ ДРУГ ДРУГА

Я курирую одну из «сложных» учебных групп (в ней учится много выходцев из Северного Кавказа) и руковожу научным кружком «Петрограф», существующим в РГУ им. И. М. Губкина с 1935 г. Мы часто выезжаем в поле, ведь жизнь в полевых условиях дает очень много полезного во взаимоотношениях студентов и преподавателей, снимает барьеры. Старшекурсники шефствуют над младшими, помогают и обучают их. А преподаватель там воспринимается студентами как старший приятель. И это очень важно. Основа кружка – это, конечно, кафедра. Полагаю, что подобная форма деятельности (если не геологическая, так туристическая, краеведческая и т. п.) необходима в каждом вузе. Ничто так не сплачивает группу, как внеаудиторная работа. Кружковая работа – это одна сторона моей деятельности, конечно, помимо преподавательской. Другая сторона – мне поручено быть куратором чеченских студентов. Их у нас больше сотни. Если применить военные стандарты, целый батальон! Да, работать с ними сложно. Но можно и нужно. Коллеги меня в шутку называют «главный чеченец университета». Я воспринимаю это как лестную оценку.

У нас всегда были хорошие отношения с Грозненским нефтяным институтом. Сейчас чеченским ребятам учиться негде, и мы их принимаем. Многие приезжают в очень сложном состоянии: человек, в глаза которому смотрели дула автоматов, становится иным, на многие вещи смотрит совсем не так, как мы. Это надо понимать. И задача куратора – постараться вывести ребят из такого состояния. Поверьте, это очень непросто. Порою приходилось идти ощупью, совершались ошибки как с одной, так и с другой стороны. Как правило – не по злему умыслу, а по недопо-

ниманию. Например, как-то от кого-то поступило предложение создать в университете чеченское землячество. И ребята начали организационную работу, пришли ко мне пригласить на собрание. Я понимал, что этого делать ни в коем случае нельзя, это будет равносильно тому, что мы сами под себя подложим бомбу замедленного действия. В институте ни в коем случае нельзя создавать национальные организации. Мы немедленно прекратили это «доброе» дело. Более того, поняли, что нельзя этих студентов в общежитии поселить в одну комнату, а надо расселять с русскими ребятами. Для убедительности я приносил на студенческое собрание такой документ: мой дед Павел Флоренский, поступая в 1901 г. в университет, как и все студенты, подписывал обязательство, пребывая в университете, не вступать ни в какие землячества, национальные и политические организации. Для администрации вуза студенты могут делиться только на отличников и двоечников, активных и пассивных. Ректор на одной из встреч со студентами сказал это достаточно твердо.

У меня порою спрашивают: «Как вы справляетесь?» Объясняю: моя работа сводится к тому, чтобы ничего не делать. Конечно, это образно, но не лишено смысла. Никаких резких движений! Я держу тесные связи со старшими студентами, они по закону Востока имеют влияние на младших, действуем совместно. Ребята должны сразу же понять, что университет и общежитие – это их дом. Мы стараемся им это внушить. Но стоит ребятам выйти на улицу, как их тут же притесняет, озлобляет и обирает милиция. Они оказываются во враждебной обстановке. Вот и воспитывай...

Мой дед священник Павел Флоренский писал, что влияние темных сил на нас определяется нашим «да». Если мы в них верим, они начинают на нас действовать. Если мы ставим национальный вопрос так, как сейчас, то он будет. Помните знаменитую фразу: «У советских людей секса нет»? Так вот, в нынешнем понимании его действительно не было. О национальном вопросе всегда следует помнить, но нельзя его без конца будировать, тем более так остро и безответственно. Чем менее публичен национальный вопрос, тем лучше для его решения.

А кичливости у чеченских ребят, может быть, чуть больше, чем у русских; но и у тех, и других ее хватает. И это объяснимо: они входят в этот неизведанный мир, пробуют его на зубок и принимают определенную самозащиту. И это нормально. Я неплохо знаю Кавказ, понимаю ребят изнутри. И они это чувствуют. А значит, нам легче установить контакт. Я для них не чужак. А это и есть главное – понимать друг друга.

Сейчас перед воспитателями очень трудная задача: противостоять тому, что творится «на улице». Надо помнить простую истину: мы, православные, живем с мусульманами вместе в России в одном государстве уже 500 лет, и нам не следует враждовать. Постоянными разговорами о взаимоотношении с мусульманами мы вбиваем огромный разрушительный клин в целостность нашей России. Посмотрите, что делают наши кинематографисты своими фильмами о войне в Чечне? В них нет ни одного положительного героя-чеченца! С подачи режиссера зритель видит: все чеченцы – бандиты, и радуется тому, как мужественно их «мочат» солдаты российской армии. Хоть бы маленькую положительную роль выделили чеченцу. Разве их в жизни мало? Как могут такие фильмы способствовать

умиротворению... Нам внушается ненависть к лицам кавказской национальности. Это – антигосударственно.

Перед нами тяжелейшая задача – противодействовать национальной розни. Так я понимаю и свой долг как куратора чеченских студентов*.

*Флоренский П. В. Понимать друг друга // Студенчество. Диалоги о воспитании. 2005, № 6 (24). С. 23-26. Перепечатано в сборнике: Система кураторства в Российском государственном университете нефти и газа им. И. М. Губкина. М.: Нефть и газ, 2006. С. 23-25.